

Тюремщик Ван опешил:

— Ха?

— На самом деле я ученик фокусника, — заикаясь, произнес юноша с серебристыми волосами.
— Если вы не против... я мог бы попробовать показать вам фокус. С помощью того, что есть у вас под рукой.

Столь неожиданный ответ заставил Тюремщика Вана надолго замолчать, а затем он внезапно расхохотался, схватившись за живот. Су Ицин смотрел на него с полным недоумением.

Кто знает, то ли эта игрушка Начальника тюрьмы и впрямь дурачок, то ли прикидывается...

Впрочем, в любом случае это было неплохим развлечением для его скучной смены.

Когда-то Тюремщик Ван сам был обычным заключенным, который пробивал себе путь через тернии, раз за разом побеждая в рейтинговых турнирах. Лишь благодаря милости Начальника тюрьмы он стал охранником, но даже так застрял на самой низшей ступени — дежурным надзирателем.

Шел десятый год его службы. Продвижения по карьерной лестнице не предвиделось, но за эти годы он научился находить забаву в серой тюремной жизни.

Странная просьба сереброволосого юноши оказалась чем-то новым и довольно забавным.

— Ладно, — широко улыбнулся Тюремщик Ван, обнажив зубы. — Какие инструменты тебе нужны?

Юноша робко указал на предметы, лежавшие на столе прямо перед носом надзирателя: стеклянный стакан, газетный лист и пуговицу.

Они сели друг напротив друга. Су Ицин положил пуговицу на стол, накрыл её перевернутым стаканом, рядом пристроил газету, а сам выпрямился, глядя на Тюремщика Вана.

Тот кивнул, предлагая начинать.

Сереброволосый юноша глубоко вдохнул, стараясь унять волнение. Когда он снова поднял взгляд, в его серебристо-серых глазах заплясали озорные, упрямые искорки.

— Перед тем как начать, позвольте задать вопрос: вы знаете, что такое мисдирекшн?

— Знаю, — пренебрежительно усмехнулся Тюремщик Ван. — Ошибочное направление внимания. Самый частый трюк, который используют такие фокусники, как вы.

Су Ицин едва заметно нахмурился, не став комментировать слова надзирателя.

— Фокус, который я хочу показать, основан именно на этом визуальном обмане, — сказал он, беря стакан за основание и снова демонстрируя пуговицу. — Я заставляю эту пуговицу пройти сквозь стол.

Тюремщик Ван приподнял бровь:

— Я хочу проверить пуговицу.

Су Ицин пожал плечами:

— Конечно.

Надзиратель внимательно осмотрел пуговицу с обеих сторон. Это была запасная пуговица, точь-в-точь как те, что красовались на его собственной синей форме. Никакого подвоха.

Он вернул её юноше:

— Начинай.

— Как я и сказал, — юноша снова положил пуговицу на стол и накрыл её стаканом, — пуговица пройдет сквозь столешницу и появится снизу. Но если она просто провалится у вас на глазах, это будет не так эффектно, поэтому мне нужна газета.

Су Ицин вытянул газетный лист, с хлопком накрыл им стакан и с силой вдавил бумагу, чтобы на ней отпечатались края стекла, полностью скрыв пуговицу внутри.

— В таком случае вы не видите пуговицу, но можете слышать её.

Он слегка потряс стакан — раздался отчетливый звонкий стук.

— Пока вы слышите этот звук, значит, пуговица всё еще на столе, верно?

Юноша снова приподнял стакан, указывая на пуговицу, всё еще лежащую на столешнице. Тюремщик Ван нетерпеливо кивнул.

Боже, сколько же болтовни из-за простого фокуса.

Хотя он был слегка раздражен, но перебивать не стал.

— А теперь начинается самое интересное.

Су Ицин снова накрыл пуговицу стаканом, слегка качнул его — звука не было. Он постучал стаканом по столу — «тук-тук» — но движения были слишком слабыми, фокус еще не начался.

Тюремщик Ван уже собрался поторопить его, как вдруг юноша с хлопком смял газету, из-под которой вырвался сдавленный поток воздуха. Надзиратель в изумлении вскочил, отчего его массивный живот затрясся.

— Похоже, мастерства мне не хватило.

Юноша с сожалением покачал головой, скатал газету в комок и небрежным движением выбросил его в окно. На столе осталась лежать пуговица.

— Пуговица не смогла пройти сквозь стол.

Су Ицин медленно поднял вторую руку из-под столешницы, держа в ней стакан, и слегка потряс его.

— Зато я пропустил сквозь него стакан.

— ...Ха, ха-ха-ха...

Тюремщик Ван захлопал в ладоши. В голове он лихорадочно прокручивал действия юноши, пытаясь понять, как это вышло, и недоверчиво опустил на стул.

— Это и был твой мисдирекшн?

Су Ицин кивнул, уголки его губ поползли вверх, а в глазах сверкнула хитринка.

— Хотите научиться этому фокусу?

Мошенники не умеют красть, зато мастерски умеют обманывать.

Мисдирекшн. Ошибочное направление внимания.

Фокус Су Ицина состоял из четырех тщательно спланированных шагов.

Первый: словами убедить Тюремщика Вана в своей некомпетентности.

Второй: сфокусировать внимание надзирателя на пуговице, чтобы он забыл о стакане.

Третий: с помощью суеты заставить надзирателя еще пристальнее следить за пуговицей, пока сам стакан незаметно меняет позицию.

Четвертый: сделать так, чтобы реальное время выполнения трюка не совпадало с тем, что ожидал увидеть зритель.

На самом деле фокус закончился еще до того, как Су Ицин произнес: «А теперь начинается самое интересное». Сама эта фраза была лишь частью обмана.

К тому моменту стакан уже давно был у него в другой руке.

А те два «тук-тук», которые он издал, сминая газету, были сделаны самим юношей, стучавшим стаканом по нижней стороне столешницы.

Помимо мисдирекшна, всё остальное было лишь искусной игрой. Су Ицин с такой убедительностью разыграл пустую газету и воображаемый стакан, что обвел вокруг пальца подозрительного надзирателя.

Разумеется, у этого трюка был и скрытый пятый шаг.

Оставив Тюремщика Вана в предвкушении, сереброволосый юноша почтительно вышел из дежурки, чтобы подобрать то, ради чего всё затевалось — скомканные газетные листы под окном. Он был доволен.

Однако радоваться пришлось недолго. У Су Ицина возникла новая проблема.

Полночная проверка.

Его камера была единственной одиночной на этаже. У него не было соседа, условия были лучше, чем у остальных, но возник нюанс: прямо напротив находилась комната Начальника тюрьмы.

Су Ицин изучил планировку: владения Начальника тянулись через все двадцать шесть этажей, словно роскошная вилла, встроенная в базу. Никто не знал, каково истинное назначение этих комнат, поэтому никто не смел к ним приближаться.

К тому же все заключенные знали, что Начальник тюрьмы может внезапно появиться во время любой активности охранников, включая ночные обходы.

Су Ицин упер руки в бока, оглядел убогую камеру и вздохнул.

Ладно, на случай худшего сценария он спрятал газету там, где надзиратели точно не станут проверять.

В полночь по коридору раздался механический голос, объявляющий обход. Справа слышались шаги.

Надзиратели заходили в каждую камеру, изымали всё, что не было казенным имуществом, а провинившихся уводили.

Когда Тюремщик Ян открыл решетку, серебряноволосый юноша, всё еще одетый в свою нелепую синюю форму, сжался у кровати и дрожащим голосом произнес:

— ...Тюремщик Ян, доброй ночи...

Тюремщик Ян проигнорировал его, прошел в камеру, огляделся, а затем дубинкой сбросил одеяло и простыни. Следом за ним вошли помощники и принялись с остервенением разбирать постель, словно грабители, решившие вынести дом.

Минут пять они переворачивали всё вверх дном, после чего Тюремщик Ян посмотрел на юношу:

— Вставай, иди вон на ту свободную площадку.

Су Ицин послушно встал на единственное свободное место среди хаоса. Раздался холодный приказ:

— А теперь снимай одежду.

Юноша опустил глаза и выполнил требование.

— Брось одежду мне.

Су Ицин подчинился. Тюремщик Ян дубинкой потыкал в ткань, тщательно проверил каждый шов и, наконец, удалился вместе с помощниками.

Су Ицин надел одежду и привел камеру в порядок, слегка выдохнув. Но не успел он

успокоиться, как по спине пробежал холодок, а волосы на затылке встали дыбом.

В камеру вонзился тяжелый, агрессивный взгляд. Сереброволосый юноша дрожа поднял глаза и побледнел.

Начальник тюрьмы, в идеальных брюках от костюма, составлявших комплект с формой заключенного, стоял в дверях. Одной рукой он держался за карман, другой — открыл дверь камеры шире. Его абсолютно черные глаза сузились, а на губах заиграла насмешливая улыбка:

— Еще помнишь, что нужно делать, когда видишь меня?

У юноши покраснели уголки глаз, он вцепился в края одежды, не в силах поверить в происходящее.

Почему этот извращенец приперся?!

Они долго смотрели друг на друга в оглушительной тишине.

Начальник тюрьмы приподнял бровь:

— Раздевайся.

Видимо, какой начальник, такой и подчиненный — неужели в этой тюрьме принято заставлять всех раздеваться по любому поводу?!

Су Ицин обреченно вздохнул и снова стянул только что надетое.

Дрожащими пальцами он расстегивал пуговицы. Словно в замедленной съемке, его белая, почти прозрачная кожа обнажалась, сливаясь с длинными прядями серебристых волос.

В глазах Начальника тюрьмы отразилось нечто темное.

Необъяснимое желание, смешанное с давно забытым раздражением, начало расти в груди.

Он опомнился, когда его рука уже потянулась к юноше.

Что он собирался сделать?

Прежде чем он успел осознать, юноша отпрянул, и в его глазах отчетливо читался ужас.

Беспричинный гнев мгновенно сжег остатки рассудка, и Начальник тюрьмы зловеще усмехнулся:

— Слышал...

Его улыбка стала шире, а взгляд — холодным, как лед в бездне.

Юноша вздрогнул, почувствовав недоброе.

— Стало быть, я стал для тебя дьяволом?

Мужчина схватил его за горло и прижал к кровати. Юноша инстинктивно попытался разжать его пальцы, в глазах плескались шок и страх, а длинные белые волосы рассыпались по постели.

— Раз так, я оправдаю твои ожидания.

Хватка на горле была несильной, но достаточной, чтобы юноша замер, боясь пошевелиться.

— Ха, — негромко рассмеялся Начальник тюрьмы. Его колено уперлось юноше между ног, а холодные кончики пальцев заскользили по нежной коже, вызывая мелкую дрожь. — Ты интереснее, чем я думал.

Су Ицин едва сдержался, чтобы не пнуть этого извращенца. Если бы он мог его одолеть...

Мужчина прижал его к кровати, не давая вырваться, и его движения стали еще наглее. Большая рука погладила белый живот — кожа была теплой и гладкой, как отполированный нефрит. Узкая, гибкая талия извивалась, пытаясь уклониться, очерчивая в полумраке изящные линии.

Юноше было не до рук на своем теле — страх смерти заставил его изо всех сил вцепиться в железные пальцы на своей шее. Из-за задержки дыхания грудь тяжело вздымалась, глаза были широко распахнуты, и он выглядел совершенно беспомощным.

Улыбка Начальника тюрьмы становилась всё безумнее, а глаза за золотой оправой очков потемнели, как бездонная пропасть.

Его рука медленно опустилась ниже, расстегивая пояс брюк...

В самый последний момент в глазах Начальника тюрьмы промелькнула тень ярости и отвращения, и он резко отстранился.

— От тебя пахнет кем-то другим.

В тонкий, изысканный аромат сандала примешался тошнотворный запах гнили.

Это его невероятно раздражало.

С холодным лицом он, не проронив ни слова, развернулся и вышел.

Су Ицин, всё ещё чувствуя ужас, коснулся шеи и жадно вдохнул воздух, а затем понюхал свое предплечье.

Никакого запаха не было. У него что, нюх как у собаки?

Ощущение близости смерти было невыносимым, но, по крайней мере, газету он спрятал надёжно — даже Начальник тюрьмы не нашел.

Су Ицин оделся и нырнул под одеяло, довольно улыбнувшись.

Он спрятал газету очень хитро. Никому бы и в голову не пришло, что он скатал её в тонкие полоски и заправил под резинку на подоле формы Начальника тюрьмы, которую тот носил. Когда одежда надета, этого не видно, а при снятии никто не обращает внимания на такие мелочи.

И всё же, когда появился Начальник, Су Ицин покрылся холодным потом. Хорошо, что он заранее выключил свет — в темноте детали одежды было не разглядеть.

Вспоминая недавний побег от смерти, Су Ицин злился всё больше.

Проклятая система, потакая его подростковым фантазиям, превратила его здоровое тело в слабосильного доходягу.

Ничего, месть — это блюдо, которое подают холодным.

Ни Начальника тюрьмы, ни систему он не пощадит.

Вдалеке раздался душераздирающий крик, за которым последовал звук волочения чего-то тяжелого.

Топ.

Тяжелые шаги отдавались дрожью в полу. Крик постепенно смолк, а звук волочения приближался, пока не затих прямо перед камерой Су Ицина. На него нахлынуло мощное ощущение давления. Он открыл глаза и замер — сердце пропустило удар.

Что это за чудовище?

Огромная тварь за решеткой была покрыта густой шерстью, напоминала человека, могла ходить на двух ногах, но обладала невероятно мощными конечностями. Из-за гротескного сложения даже широкий коридор казался тесным.

Открыв глаза, Су Ицин увидел, что в руках монстр держит окровавленную человеческую голову. Рот её был широко открыт, а пустые черные глазницы, казалось, обрели разум и теперь в упор смотрели на юношу. Обрывки плоти на разорванной шее безвольно болтались, а капающая кровь издавала настолько резкий запах, что к горлу подступила тошнота.

Су Ицин узнал это изуродованное лицо — они ведь совсем недавно виделись.

Бибер никогда не опаздывал, зная, чем это грозит. После того как Тюремщик Ван отправил его на дополнительные тренировки, он, выполняя упражнения, затаил лютую ненависть к той «игрушке», из-за которой ему пришлось рисковать жизнью.

За сегодняшний позор он обязательно оплатит сторицей.

<http://bllate.org/book/19174/1882557>